

КОНФЕРЕНЦИЯ

Б. Н. Флоря (Москва)

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИВАНА IV

Хорошо известно, что сохранившиеся достаточно многочисленные тексты разного жанра, которые исследователи склонны считать продуктами литературной деятельности Ивана IV, относятся ко времени не ранее 1564 г. К несколько более раннему времени (июль 1563 г.) относится послание шведскому королю Эрику XIV в которое, по свидетельству официальной летописи, царь внес «многие бранные и подсмеятельные слова на укоризну его безумию»¹, но, несмотря на все усилия исследователей, текст этого послания до сих пор не найден. Наиболее ранним текстом, в котором налицо очевидные следы вмешательства царя в составленный его дьяками официальный текст, является текст ответа литовским послам от осени 1563 г. Как представляется, следы вмешательства царя в подобный официальный текст могут быть обнаружены в документе более раннего времени, грамоте Ивана IV императору Фердинанду I от 20 февраля 1560 г.

Как известно, после начала Ливонской войны Ливонский Орден, считавшийся частью Священной Римской империи, главой которой был в то время Фердинанд I Габсбург, обратился к нему с просьбой о помощи. В результате император обратился к Ивану IV с просьбой прекратить военные действия. Грамоту императора доставил в Москву его гонец Иероним Гофманн. Послание Ивана IV стало ответом на это обращение². Немецкий перевод этой грамоты Ивана IV был выпущен отдельной брошюрой в 1561 г. Его латинский перевод увидел свет в 1834 г., в 1843 г. увидел свет его русский перевод³. Таким образом, эта царская грамота вошла в научный оборот гораздо раньше, чем многие другие тексты, связанные с именем Ивана IV. Хотя готовивший к печати послания Ивана IV Я. С. Лурье склонен был отнести к их числу и грамоту Фердинанду I, он не включил ее текст в издание, так как в его распоряжении не было древнерусского оригинала. В настоящее время список с этого оригинала обнаружен в воеводском архиве г. Щецина⁴. Появление в нем этой копии связано с тем, что с конца 30-х г. XVI в. русско-австрийские контакты были надолго прерваны и к 1560 г. в Вене не оказалось переводчика, который мог бы перевести императору

¹ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. XIII. С. 369.

² Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 239.

³ О переводах послания см.: Лурье Я. С. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV // Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 490.

⁴ Erbes Munck M. Munck T. List Iwana IV Wasiljewicza do cesaria Ferdynanda I z 24 lutego 1560 roku // Slavia orientalis. 1987. № 3–4. S. 247.

царскую грамоту. Поэтому копия с нее, выполненная каллиграфом-писцом, была послана князю Щецина Барниму Старому с просьбой о переводе⁵. Эта копия была опубликована обнаружившими ее польскими исследователями, и тем самым открылись возможности для изучения древнерусского послания. Знакомство с ним показывает, что текст его отличается рядом важных особенностей от обычной дипломатической переписки тех лет.

В ответе на обращение императора важное место должно было занять освещение вопроса о причинах русско-ливонской войны.

К началу 1560 г. существовало уже четкое и развернутое изложение причин войны, которое неоднократно излагалось в переписке с соседними государствами. Примером может служить текст грамоты шведскому королю Густаву Вазе, составленный незадолго до составления послания Фердинанду I, в январе 1560 г. «А ливонских людей неправды, — читается в нем, — тебе самому гораздо ведомы, за колко лет крестное целование преступили и наших даней не давали, и церкви русские разорили, и в Риге, и на Кольвани и в Юрьеве концы нашими завладели и гридни, и полаты, и погребы все освоили и нашим людям в них жити не давали и как людям нашим в торгах неправды и обиды великие делали»⁶. Таким образом, ливонцы обвинялись в том, что они отказывались платить дань царю, отобрали у русских купцов их дома и церкви на территории Ливонии, наносили ущерб их торговле. Когда доставивший грамоту Фердинанда гонец Иеремия Гофманн расспрашивал в Москве бояр и дьяков о причинах войны, ему подробно рассказывали о том, как ливонцы обязались платить дань и не выполнили это обязательство⁷.

В отличие от этой общепринятой официальной версии причин войны, послание Фердинанду I открывалось обвинением ливонцев в том, что они «преступиша заповедь Божия и прияша учение люторско». Далее конкретизировались последствия такого отступления. Одно из обвинений, выдвигавшихся по адресу ливонской стороны на переговорах уже в 1554 г., состояло в том, что ливонцы «церкви христианские... освоили»⁸, в соответствии с этим в русско-ливонских соглашениях середины XVI в. на ливонскую сторону налагалось обязательство «церкви божьи русские... очистить». Таким образом, речь шла о захвате ливонцами православных храмов, которые они использовали затем для своих нужд⁹. В послании Фердинанду, однако, читаем, что, завладев православными храмами, ливонцы «церкви наши хрестьянские розбили и на тех, церковных местех сделали исход гноем человеческим». Таким образом, они захватили православные храмы, чтобы надругаться над ними самым отвратительным образом. Ни в чем подобном ливонцы, разумеется, не обвинялись во время русско-ливонских переговоров. Не выдвигают по адресу ливонцев таких обвинений ни официальная летопись времени Грозного, ни Курбский в своем рассказе о Ливонской войне¹⁰.

Аналогичным образом обстоит дело и с выдвинутым далее обвинением ливонцев в осквернении и уничтожении икон. Фактически и официальной летописи, и Курбскому известен лишь один такой случай, когда немецкий купец в Нарве «исколел» и бросил в огонь образ Николы, оставшийся в доме от останавливавшихся здесь русских купцов¹¹. Совсем другая картина рисуется в послании

⁵ Ibid. S. 248–250.

⁶ Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). СПб., 1910. Т. 129. С. 71.

⁷ Посольство И. Гофмана в Ливонию и Русское государство в 1559–1560 г. // Исторический архив. 1957. № 6. С. 135–137.

⁸ ПСРЛ. Т. XIII. С. 240. См. также запись переговоров 1554 г.: Щербачев Ю. Н. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. 1326–1569. Вып. 1 // ЧОИДР. 1915. Кн. 4. Отд. II. № 20. С. 26.

⁹ На переговорах 1557 г. ливонцев обвиняли в том, что они «на церковных местах... валы устроили» // Дневник ливонских послов к царю Ивану Васильевичу (веденный Томасом Хернером) // ЧОИДР. 1886. Кн. 4. Смесь. С. 9.

¹⁰ Единственную параллель к высказываниям царя можно указать в тексте сохранившегося в Таллинском архиве столбца — «Почалася брань Москвы с ливонскими немцы за то», где читаем, что ливонцы «на церковных местех паракели (от греч. παρὰ κελλίου) поставили». (ЧОИДР. 1886, Кн. 4. Смесь. С. 2).

¹¹ Рассказ Курбского см.: ПЛДР: Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 282–284; Летописный рассказ см.: ПСРЛ. Т. XIII. С. 295; Другие варианты летописного рассказа см.: ПСРЛ. СПб., 1908. Т. XXI. Ч. 2. С. 225; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 235–236.

Фердинанду: ливонцы «образы Господа нашего Иисуса Христа и Пречистее его матери и святых апостол и святых святитель и мученик все пожгли, а иные кололи и в смрадные места пометали». Здесь в противоречии со всеми известными источниками рисуется картина не только уничтожения, но и отвратительного осквернения большого количества самых разных икон.

Вслед за этой конкретной картиной надругательств с натуралистическими подробностями изложение в тексте послания переносится в иной, более возвышенный план, сам язык текста становится подчеркнуто «высоким» по своему стилю, и в нем появляются библейские изречения. Здесь мы узнаем, что царь, беспокоясь о грешных ливонцах, долго и безуспешно пытался уврачевать их недуги, обратив их на праведный путь: «целебно ко исправлению их наводили есмь, яко пластырь масти целебныя на всяк час ко исправлению их наполагали есмь, да твердыя апостемы их вреда в мягкость преложатца». Но все увещевания и убеждения оказались безуспешными, и поэтому ливонцы «меч и огонь приемлют не нашему хотению, но по своему изволению». Излишне говорить, что никаких сведений о таких усилиях царя не сохранилось ни в каких документах, и в русской официальной переписке этих лет о них не упоминалось.

Собрание на пространстве сравнительно небольшого текста целого ряда оригинальных утверждений, отсутствующих в обычной дипломатической переписке, — довод в пользу того, что этот текст вышел из рук не обычных сотрудников дипломатической канцелярии, а самого царя.

Как известно, обосновывая права Ивана IV на Ливонию, русские политики постоянно ссылались на то, что эту землю включил в пределы Русского государства еще Ярослав Мудрый. Сообщения об этом ограничивались пересказом летописной записи о походе Ярослава в землю «чуди» и основании там града Юрьева. Послание императору Фердинанду выходит далеко за эти рамки. Из него можно узнать, что именно Ярослав Мудрый «в Юрьеве и в Колывани, и в Риге поставил церкви божие и купцам своим руским учинил в тех градах улицы». Более того, он «и со всеми вашими в Италии подлежащими торговати поволил». Несколько неожиданное в таком контексте упоминание «Италии» связано с тем, что в Москве в то время считали, что «цесарь во всей Италиской стране всем государем глава». Никаких подобных утверждений в других русских дипломатических документах этих лет не обнаруживается. Таким образом, наблюдения и над этим фрагментом послания подкрепляют сделанное выше предположение.

В пользу того, что текст послания исходил именно от царя, можно привести и еще одно соображение. Продолжение поднятой в послании темы обнаруживается в тексте ответа литовским послам осени 1563 г., в котором (как уже говорилось) налицо многочисленные следы вмешательства царя в подготовленный дьяками текст. Именно здесь снова повторяется тезис, что война — это кара для еретиков, отступивших от христианского учения: «и как они свои закон порушили и в безбожную ересь отпали, ино на них от нашего повеленья огонь и меч пришел»¹². И далее царь доказывал свое право по примеру «правоверствующих царей» карать тех, кто не слушает поучений и не желает стать на праведный путь. В подтверждении своих слов он цитировал слова апостола Иуды: «овех же страхом спасайте, от огня возхищающе» (Послание Иуды, I, 23)¹³. Упоминаемый апостолом огонь — это огонь ада, и, подвергая наказаниям ливонцев, царь спасает их души от этого огня.

Следует еще остановиться на вопросе о цели, с которой было именно так написано это послание. Я. С. Лурье полагал, что со стороны царя это был удачный дипломатический ход, который давал возможность продолжать удачно начатую войну и одновременно не восстановить против себя «влиятельного адресата»¹⁴. Представляется более вероятным другое объяснение. Послание Фердинанду I не преследовало достижения каких-либо конкретных политических целей. Оно стало первым среди серии исходивших от царя текстов, написанных им для того, чтобы

¹² См.: Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 45.

¹³ Там же. С. 228.

¹⁴ Лурье Я. С. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV. С. 490.

утвердить в собственном сознании превосходство над адресатом. Яркая картина беззаконий и надругательств ливонских «еретиков» должна была наглядно показать императору, в какое неудобное положение он себя поставил, ходатайствуя за них. Две позднее излюбленные интонации исходящих от царя подобных текстов, поучение и насмешка ощущаются в словах, обращенных к императору, которыми собственно и открывается текст послания: «и по беззаконию их неисправления и крестного преступления и всяких неправд и твоего гнева ярость на них да исполнитца и судятца, яко преступники закона божия».

Думается, Иван IV понимал, как и ряд других современников, что никакого реального воздействия на ход Ливонской войны Фердинанд I оказать не может, и именно поэтому позволил себе такой вызывающий жест в его адрес.